

Пролетарии ВСЕХ СТРАН.
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

23

77

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

№

18 ЯНВАРЯ 1929 г.

3

181

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

**ОРГАН ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА**

*выходит одновременно на русском, французском,
немецком и английском языках*

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК ИСПОЛКОМА КОМИНТЕРНА

Журнал выходит при участии: **Ленина**, Бухарина, Лозовского, Луначарского, Мануильского, Мартынова, Покровского, Рязанова, Сталина (СССР); Куусинена, Маннера, Сирола (Финляндия); Нермана, Чильбума (Швеция); Арвида Гансена, **Кирре Греппа**, Фурдботен (Норвегия); Рутгера (Голландия); Штассера (Австрия); Брауна, Геккера, Пика, Тельмана, К. Цеткин (Германия); В. Галлахера, Р. Пальм-Дэтта, Т. Квелча, Мерфи, А. Мак-Мануса, **Тома Мана**, Ротштейна (Англия); Анри Барбюса, Дорио, Кашена, **Р. Лефевра**, Садуля, Семара, Х. Раппопорта (Франция); Бордига, Грамши, Маффи, Талиатти, Таска, Террачини (Италия); Герцога, Мюнценберга, Платтена, Эмбер-Дро (Швейцария); Альпари, Бела Куна, Е. Варги, Рудаша (Венгрия); Валецкого, Варского, Малецкого, **Мархлевского** (Польша); **Благоева**, Димитрова, Кабакчиева, Коларова (Болгария); **Джона Рида**, Пеппера, **Рутенберга**, Фостера, **В. Хейвуда** (Америка); Крейбиха, Шмераля (Чехо-Словакия); Марковича (Юго-Славия); Цю Цю-бо (Китай); Сен-Катаяма (Япония); М. Н. Рой (Индия); Джима Ларкина (Ирландия) и др.

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ на все издания направляйте в Главную Контору Издательства
«ПРАВДА» и «БЕДНОТА», МОСКВА, 9, Тверская, 48.

От Люксембург к Ленину или от Люксембург к Каутскому.

Брандлерианцы, которые никогда не были настоящими ленинцами, которые оставались в основном старыми «лево-радикалами» в рядах германской компартии, теперь под прикрытием примиренцев выступили в открытый поход против партии. Под каким знаменем? Конечно, не под знаменем 1923 г.—оно им лавров не принесло: после «саксонского опыта» они должны были спасаться в московском бесте от гнева коммунистического пролетариата Германии. Они подняли восстание против КПГ под знаменем «Спартака». Но по иронии судьбы они вытащили это старое, почетное знамя Карла Либкнехта и Розы Люксембург как раз тогда, когда они на деле изменили ему, когда они отреклись от **революционного** наследства Розы Люксембург, т.-е. от всего того, что было революционного в ее наследстве, когда они скатились на рельсы **центризма**.

В годы, предшествовавшие мировой войне, ситуация в Германии имела много сходных черт с нынешней ситуацией. За четыре года до войны в германской социал-демократии окончательно выкристаллизовалось центристское течение под теоретическим руководством Каутского, и с тех пор уже не прекращалась борьба между ним и «лево-радикальным» течением, возглавляемым Розой Люксембург, к которому принадлежали, между прочим, и Радек с Брандлером. В своем сборнике «Политическая массовая забастовка» Каутский писал: «На Магдебургском партейтаге 1910 г. в первый раз сложилось то, что называется «марксистским центром». С Ганноверского партейтага 1899 г. большинство партейтага всегда выступало против **реформаторского** нетерпения государственно мыслящих оппортунистов. С 1910 г. большинство каждого партейтага обращается также против **революционного** нетерпения, против крайне-левой. Это становится теперь правилом. С другой стороны, с этого момента бывают и такие партейтаги, которые не находят никакого повода выступать против правых».

Из-за чего велась борьба между «лево-радикалами» и центристами в то время? Весьма знаменательно, что она велась по тем же двум вопросам, по которым и сейчас идет борьба между германской компартией и правыми раскольниками и которые сейчас, на нынешнем этапе пролетарской революции, приобрели особо острое значение: 1) наступление или оборона? 2) ставить ли ставку на неорганизованные массы или исключительно на массы, организованные в профсоюзы? И весьма знаменательно, что брандлерианцы, бывшие «лево-радикалы», бывшие люксембургианцы и спартаковцы, по обоим этим вопросам сейчас занимают ту же позицию, которую накануне мировой войны занял центрист Каутский, оставшись верными Люксембург лишь в том, что составляло ее слабую сторону, что **отличало** ее от ленинизма. Тогдашнюю же «новую стратегию» Розы Люксембург и лево-радикалов вообще, на значительно усовершенствованную, поднятую на высоту ленинизма, сейчас защищает германская компартия и ее ЦК.

В настоящее время представляется очень полезным восстановить в памяти историю борьбы между Люксембург и Каутским, между лево-радикалами и центристами—накануне мировой войны. Не только потому, что эта история освещает всю глубину нынешнего падения брандлерианцев, но и потому, что она бросает свет на самые актуальные, животрепещущие проблемы современного германского рабо-

чего движения. В свете этой истории становится совершенно ясным, что в Германии сейчас, когда партия непосредственно стоит перед проблемой борьбы за власть, уже не остается места для люксембургианства. От люксембургианства вели два пути: или **назад** к центризму, т.-е. к социал-демократии,—на этот путь в 1923 году начали скатываться и теперь окончательно скатились брандлерианцы; или **вперед** к ленинизму—по этому пути пошла и продолжает идти с успехом германская компартия и ее Центральный Комитет.

* * *

Мы говорили, что в годы, предшествовавшие мировой войне, ситуация в Германии была во многом сходна с ее ситуацией в настоящий период обострения классовых противоречий, накануне новой грядущей войны. С поражением русской революции 1905 года, с началом столыпинщины совпало по времени завершение периода бурного развития капитализма в Германии, который тянулся от 1895 до 1907 года. В Западной Европе и в Германии, в особенности с 1907 года, наступила пора обостряющихся внутренних и внешних противоречий на основе продолжающейся высокой конъюнктуры. Империализм вступил в бурный период своего развития. Трестификация и картеллизация капитала шла полным ходом. Протекционизм и рост цен на сельскохозяйственные продукты с каждым годом все больше увеличивали дороговизну. Старый тип чисто экономических, частичных стачек оказывался бессильным, и стачки стали терпеть систематически поражение перед лицом могущественного организованного и наступающего капитала. На ряду с этим, до крайности обострялись международные противоречия, всюду шло бешеное вооружение, и явно ощутительно приближалась катастрофа мировой войны. Это, равно как и зажигательный пример русской революции 1905 года, вызвало полевение рабочего класса. Под влиянием русской революции в пролетариате и наступления реакции сверху германская социал-демократия впервые поставила вопрос о принципиальной приемлемости массовой политической забастовки, как метода борьбы, и вопрос этот был решен утвердительно на Иенском партейтаге 1905 года,—хотя только на случай посягательства на всеобщее избирательное право. В Пруссии в 1910 году в связи с борьбой за всеобщее избирательное право в прусский ландтаг прокатилась огромная волна уличных демонстраций. В 1911 году в Англии впервые после долгих десятилетий затишья вспыхнули грандиозные массовые забастовки. То же самое в Швеции. И в России после ленского расстрела начался бурный подъем стачечного движения и уличных демонстраций.

В этих условиях углубления противоречий капитализма и быстрого приближения эпохи войн и революций ясна была необходимость изменения старой тактики социал-демократии, но, как гласит французская поговорка, «мертвый хватает живого» (*le mort saisit le vif*). Полувековая мирная, легальная работа в обстановке прочной стабилизации капитализма вытравила революционный дух из германской социал-демократии, а особенно—из германских профсоюзов, обединявших рабочую аристократию и руководимых ограниченными и самодовольными профбюрократами. Германские профсоюзы стали оплотом реформизма в германском рабочем движении. В начале века, когда в партии ревизионизм **идеологически** потерпел поражение, вожди профсоюзов стали требовать, чтобы профсоюзы, созданные германской социал-демократией и проникнутые ее духом, превратились в организации политически «нейтральные», т.-е. политически независимые от социал-демократии. Эта идея политической нейтрализации профсоюзов не осуществилась. Она снята была с порядка дня, не потому, что профсоюзные вожди выпрямили свою линию, а потому, что германская социал-демократия фактически капитулировала перед ними. В 1905 году между социал-демократией и профсоюзами возник конфликт. Иенский партейтаг постановил, что в случае покушения на всеобщее избирательное право германская социал-демократия может прибегнуть к массовой политической забастовке. В том же году Кельнский съезд профсоюзов наложил запрет на пропаганду массовой забастовки. Этот

конфликт очень скоро был разрешен в пользу профсоюзов. Когда на Манигеймском партайтаге 1906 года поднят был вопрос о всеобщей забастовке в ответ на готовящуюся германскую интервенцию в революционную Россию, соответственное предложение было отклонено, при чем Бебель против него выдвинул два аргумента: во-первых, изолированная Германия на такую интервенцию, дескать, не пойдет, во-вторых, если бы это случилось, германская социал-демократия была бы бессильна вмешаться в это дело, ибо тогда «решать вопрос будут военные суды». На том же Манигеймском партайтаге была вынесена резолюция, гласящая, что между резолюцией Кельнского съезда профсоюзов и резолюцией Иенского партайтага о массовой забастовке противоречий нет и что в случае, если бы ЦК германской социал-демократической партии нашел необходимым прибегнуть к массовой политической забастовке, он должен был бы согласовать это с Генеральной комиссией профсоюзов. Наконец, на том же партайтаге зафиксировано было «равноправие» профсоюзов и партии и отвергнута была резолюция, предложенная Каутским, в которой говорилось о необходимости, чтобы в профессиональном движении господствовал дух социал-демократии и чтобы поэтому каждый член партии в своей работе в профсоюзах считал себя связанным решениями партийных съездов.

Ясно было, что для установления «новой стратегии», которая повелительно диктовалась всей новой внутренней и международной обстановкой, необходимо было сломить сопротивление подымавшего голову оппортунизма, и особенно бешеное сопротивление профсоюзных бюрократов — главного оплота оппортунизма. Эту цель себе поставили в Германии «лево-радикалы» во главе с Розой Люксембург, которая повела энергичную пропаганду за оплодотворение германского рабочего движения опытом русской революции 1905 года. В этом была ее крупнейшая историческая заслуга. Роза Люксембург подняла вопрос о применении в Германии массовых забастовок в соответствии с опытом русской революции, сначала в 1906 году, в брошюре — «Массовая забастовка, партия и профсоюзы» (*Der Massenstreik, die Partei und die Gewerkschaften*), где этот вопрос был поставлен в **плоскости пропагандистской**, а затем в 1910 году, в связи с кампанией за завоевание всеобщего избирательного права в Пруссии, уже в **плоскости практической** в ряде статей: «Что же дальше?» (*Was weiter?*), «Измор или борьба?» (*Ermattung oder Kampf?*), «Теория и практика» (*Theorie und Praxis*) и т. д. и в ряде речей. Мы здесь, в этой связи, изложим вкратце те, новые для германской социал-демократии, идеи Люксембург, которые революционизирующими образом действовали на партийные массы, которые толкали их на революционный путь. О слабых сторонах аргументации и стратегической линии Розы Люксембург, об ее ошибках речь у нас будет впереди, в другой связи.

В своей первой брошюре 1906 года Роза Люксембург, на основании опыта русской революции, разъясняла, что частичные отдельные стачки, ограничивающие свои задачи достижением строго определенных, непосредственных практических целей, и что резкое разграничение между чисто-экономическими стачками, с одной стороны, и политическими акциями, с другой, являются продуктом мирного периода рабочего движения, что, наоборот, в революционной обстановке стачки, во-первых, превращаются в стачечную волну, непрерывно тянувшуюся «целый период», может быть даже годы, что, во-вторых, в революционной обстановке экономические и политические стачки или другие политические акции тесно переплетаются друг с другом: экономическая стачка превращается в политическую, а, наоборот, политическая стачка или другое политическое выступление вызывает экономическую борьбу миллионов рабочих, служа сильнейшим импульсом для организации неорганизованных. Таким образом, массовая стачка есть «форма движения пролетарской массы, форма проявления пролетарской борьбы в революции» (*Rosa Luxemburg, Gesammelte Werke, IV, S. 438*).

Роза Люксембург, далее, борется против широко распространенного предрасудка, что опыт русской революции якобы не применим к Западной Европе, особенно к Германии — предрасудка, который и в настоящее время так характерен для всех

социал-демократов и ренегатов от коммунизма. Русская революция, говорит она, еще революция буржуазная, но пролетариат, и притом пролетариат крупной централизованной промышленности, играет в этой революции такую огромную роль, что эта революция призвана быть прологом и до известной степени прообразом для пролетарских революций в Западной Европе. Говорят, что непрерывное, не прекращавшееся стихийное стачечное движение во время русской революции об'яснялось тем, что в рамках царского самодержавия русский пролетариат не имел возможности создать себе сильную профсоюзную организацию и что уровень жизни его был крайне низкий. Но разве в Германии, говорит она, нет огромной массы еще неорганизованных рабочих и с низким уровнем заработной платы, как, например, горнорабочие, текстильные рабочие, сельскохозяйственные рабочие и, наконец, рабочие в государственных предприятиях, фактически лишенные права коалиций? И если в Германии заработка плата выше, чем в России, то ведь производительность труда там еще несравненно более высокая, а стало быть и норма эксплоатации там выше. Говорят, что бурное, стихийное развитие рабочего движения в России об'ясняется тем, что рабочий класс России был лишен всяких политических прав и что он стоял перед задачей свержения царского самодержавия, в то время как в Германии он как-никак имеет коалиционные права, в то время как там пролетариат может использовать парламентские права на основании всеобщего избирательного права. Это так, говорит Роза Люксембург, но из этого не следует, что германскому пролетариату не придется сделать еще более высокий скачок, чем сделал русский пролетариат. Ведь если в Германии вся огромная пролетарская масса придет в движение, перед ней станет уже проблема завоевания власти и установления диктатуры пролетариата, значит, ставка у пролетариата в Германии будет не меньшая, а большая, чем в России.

В связи с этим Роза Люксембург критикует взгляд, который ограничивает цель массовой забастовки защитой всеобщего избирательного права в Германии или завоеванием всеобщего избирательного права для Пруссии. Массовая забастовка в Германии, говорит она, не может остановиться на позиции оборонительной, не может ограничиться задачей защиты избирательного права. Соответственно с этим она не может быть строго ограниченной политической акцией, не ставящей себе социально-экономических задач: «Если бы мы хотели наше прусское движение за всеобщее избирательное право вести в духе буржуазного либерализма и в союзе с ним, как политическую борьбу за конституцию, тогда, конечно, всякое ограничение этого движения от экономических боев с капиталом было бы уместным» (Rosa Luxemburg, Ermattung oder Kampf,—«Die Neue Zeit» 1910, B. II). Исходя из того же, что массовые забастовки в Германии должны превратиться в борьбу за власть, Роза Люксембург подняла также вопрос о республике,—лозунг, который давно был забыт германской с.-д. партией из оппортунистических соображений, на что своевременно указывал Фридрих Энгельс.

В 1906 году, как мы говорили, вопрос о массовой забастовке поставлен был Розой Люксембург в плоскости пропагандистской. В 1910 году, когда развернулась кампания за всеобщее избирательное право в Пруссии и когда в связи с этим во всей Пруссии с большим успехом и воодушевлением проводились впервые уличные массовые демонстрации, Роза Люксембург выдвинула вопрос о массовой забастовке уже практический, как ближайшую задачу дня. Перед партией, имеющей за собой 3 миллиона избирателей, говорила Люксембург, стоит сейчас дилемма: «Или какой угодно ценой вперед, или начатая массовая акция бесплодно потерпит крушение». «Массовые выступления имеют свою логику и психологию, с которой обязаны считаться политики, желающие ею руководить. Проявления массовой воли в политической борьбе не могут быть удержаны искусственно на долгое время на одной и той же высоте, не могут быть скованы в одну и ту же форму. Они должны возрастать, обостряться, принимать новые и более действенные формы. Раз развернувшись, массовая акция должна идти вперед. И если у руководящей партии в данный момент не хватает решимости дать массе необходимый пароль, тогда массой неизбежно овладевает известное разочарование, порыв исчезает, и акция терпит крушение» (см. «Die Neue Zeit» 1910, B. II, S. 69).

Такова была новая, революционная стратегия, которую рекомендовала партии Роза Люксембург. Когда Роза Люксембург поставила вопрос о массовой забастовке в 1906 году в плоскости пропагандистской, она до известной степени могла идти еще рука об руку с Каутским, который под влиянием русской революции занял весьма радикальную позицию, который, колеблясь в русском вопросе между меньшевиками и большевиками, под конец, занял позицию, очень близкую к последним, который еще в 1909 году издал свою книгу «Путь к власти», написанную в духе революционного марксизма. Но Каутский был радикально настроен, лишь пока волны революции переливались за пределами Германии, за Эйдкуненом. Когда же в связи с развязывающейся борьбой за всеобщее избирательное право в Пруссии и с уличными демонстрациями вопрос стал непосредственно о применении более решительных революционных методов у себя дома и о немедленном переходе к массовым политическим забастовкам, хотя бы первоначально в форме «демонстративной» забастовки, у Каутского «революционный пыл» сразу угас; он сразу выявил себе, как чистейшей воды флистер и сразу же вместе с правым крылом партии и с профсоюзной бюрократией, выступил в поход против Розы Люксембург и других «лево-радикалов». С этого момента центристское движение германской социал-демократии консолидируется, и Каутский его теоретически возглавляет. Каутский обрушивается против Розы Люксембург двумя сериями статей. В 1910 году он пишет ряд статей в защиту тактики обороны против тактики наступления. В 1911 году он пишет другую серию статей против ставки на стихийное движение неорганизованных масс.

Начнем с первой серии: «Что же теперь?» («Was nun?»), «Новая стратегия» («Die neue Strategie»), «Между Баденом и Люксембург» («Zwischen Baden und Luxemburg»), «Заключение» («Schlusswort»). Отрицает ли Каутский в этих статьях, что перед Германией открываются революционные перспективы? Отнюдь нет. В этом отношении он остается верным тому, что он писал в книге «Путь к власти». На то же он и был центристом, чтобы скрывать оппортунизм под революционной фразой и, таким образом, убаюкивать рабочий класс. Но, распространяясь пространно на трех страницах в своей статье «Что же теперь?» на тему о том, что в Германии происходит обострение противоречий, Каутский отсюда делает не тот вывод, что соответственно нужно революционизировать тактику партии, а, наоборот, что тем более нужно придерживаться старой тактики и «не давать себя провоцировать», предоставив историю «самой» за нас работать, покуда плод так созреет, что он сам спадет с дерева. Каутский в этих статьях развивает новую теорию, заимствованную им из книги Дельбрюка «История военного искусства». «Военное искусство,—говорит он,—знает два вида стратегии: стратегию **избрания неприятеля** и стратегию **взятия его измором** (Niederwerfungsstrategie und Ermattungsstrategie), другими словами, стратегия боевого наступления и стратегия обороны и мелкой позиционной войны. От Французской революции,—говорит он,—до восстания Парижской Коммуны включительно пролетариат и другие революционные классы применяли стратегию боевого наступления. После Парижской Коммуны ситуация изменилась, и особенно изменилась в Германии. Благодаря чрезвычайному усилиению милитаризма, с одной стороны, благодаря тому, что германский пролетариат получил коалиционные права и всеобщее избирательное право, с другой, германская социал-демократия, начиная с 70-х годов по настоящее время, применяла исключительно стратегию взятия неприятеля измором, стратегию римского сенатора Фабия Максима Кунктатора («Медлителя»), и благодаря этой стратегии она шла от успеха к успеху. От этой стратегии,—говорит он,—мы должны были бы отказаться, если применение старой тактики начало бы расстраивать ряды нашей собственной армии. Но этого нет (т.-е. этого слова Каутский не приметил! А. М.). «Перед нами на старом пути еще открываются блестящие перспективы,—говорил Каутский:—Если бы нам удалось на выборах 1911 года сделать такой же скачок, как в 1890 году,—а ситуация многообещающая,—то есть если бы нам удалось удвоить число наших голосов, то мы могли бы завоевать большинство всех поданных голосов». «Ключ к этой могущественной исторической ситуации, ключ к сокру-

шительной победе на ближайших выборах в рейхстаг мы, судя по всей конstellации вещей, имеем уже сегодня в кармане. Только одно могло бы содействовать тому, чтобы мы его потеряли, и чтобы мы прозевали эту блестящую ситуацию: это—неразумность с нашей стороны». Вот когда это чудо, обещанное Каутским — завоевание большинства голосов в рейхстаге на ближайших выборах,—осуществилось бы, тогда,—говорит он,—наступил бы критический переломный момент, тогда либо господствующие классы вынуждены были бы отступить, либо они попытались бы прибегнуть к насильственному перевороту, либо же, что наиболее вероятно, они потеряли бы голову. Вот тогда в ответ на переворот мог бы встать вопрос о массовой забастовке, и то по бельгийскому, а не по русскому образцу» (см. Kautsky, Was nun?—«Die Neue Zeit» 1910, B. II, S. 77—78). Пока же этот момент не наступил, мы все свое внимание должны направить на будущие выборы в рейхстаг: «При данных политических обстоятельствах едва ли найдется какое-либо средство, кроме победоносной массовой демонстрации, которое могло бы оказать такое большое моральное действие, как большая победа на выборах... Есть мало успехов, которые так осязательно показывали бы массе нашу растущую силу, как победа на выборах, как завоевание новых мандатов» (см. Kautsky, Die Neue Strategie,—«Die Neue Zeit» 1910, B. II, S. 419). Таким образом, экс-радикал Каутский фактически уже в 1911 г. снял с порядка дня начатую борьбу за завоевание всеобщего избирательного права **в прусском ландтаге**, поскольку в ней можно было бы одержать победу только революционными методами, и старается отвлечь от нее внимание рабочих масс на будущие выборы в **рейхстаг**, для какой цели он, с одной стороны, сеет в этих массах иллюзии, что на этих выборах можно будет завоевать большинство голосов, с другой стороны, развивает теорию парламентского кретинизма, что «завоевание мандатов есть высшее свидетельство силы».

В связи с вопросом о массовых забастовках Роза Люксембург поставила вопрос о роли стихийного движения **неорганизованных масс** в революционной обстановке. «Когда в Германии дело дойдет до массовых забастовок,—писала Люксембург,—то, почти наверно, не лучше организованные,—наверно, не печатники,—а хуже организованные или вовсе не организованные, горнорабочие, текстильные рабочие, может быть, даже сельскохозяйственные рабочие, разовьют максимальную дееспособность» (R. Luxemburg, Gesam. Werke, B. IV, S. 456). И по этому вопросу Каутский обрушился в 1911 году на лево-радикалов в серии статей под заглавием «Акция массы» («Die Aktion der Masse»). Каутский в этих статьях не исключает возможности, что и в Германии при революционной ситуации стихийная неорганизованная масса выступит на сцену. Но он испытывает чисто филистерский страх перед этой массой и всячески уговаривает партию не трогать этой массы, не апеллировать к ней, пока гром не грянет. Прежде всего, он старается дать профессорски обективную характеристику «массы», старается в оценке стихийного движения массы занять позицию «золотой середины» между черносотенными писателями, которые расценивают пришедшую в движение неорганизованную массу, как разнуданную фурию, и между «лево-радикалами», которые возлагали великие надежды на ее революционное творчество: «Если такие массы вступают в действие,—писал он,—они по необходимости выявляют невежественность и несознательность. Но если бы даже наступил такой странный случай, что оказалось бы возможным внушить ей ясное понимание общественных отношений, при одновременной невозможности ее организовать, то акция массы ограничилась бы одним только разрушением, конечно, не в физическом, а в социальном смысле слова,—разрушением учреждений» (см. сборник статей Каутского «Der politische Massenstreik», Берлин 1914, стр. 262—263). Разбирая далее разные исторические проявления стихийного движения масс, Каутский говорит: «Мы видим, что акция масс не всегда служит прогрессу. То, что она разрушает, не всегда является худшим препятствием для развития. Там, где она побеждала, она так же часто помогала сесть в седло реакционным элементам, как и революционным. Этим мы указываем и на другой недостаток, всегда связанный с акцией масс: она может, правда, при известных условиях, победить, но она никогда не может сама использовать плодов победы, ибо она только умеет разрушать» (Там же, стр. 266).

Другой недостаток движения неорганизованных масс заключается по Каутскому в следующем: «Вступление в акцию неорганизованной массы есть явление стихийное, которого, когда познаны его предпосылки, можно с известной вероятностью ожидать в такой период, когда эти предпосылки имеются налицо, но которого нельзя произвольно вызвать и которого нельзя также с полной определенностью заранее фиксировать на известный момент» (Там же, стр. 267). Суммируя все это, Каутский с удовлетворением констатирует, что германской социал-демократии до сих пор, к счастью, не приходилось иметь дело с этим жутким и таинственным незнакомцем: «Германский пролетариат не так легко побудить к неорганизованным массовым выступлениям, как пролетариат других наций. И не в малой степени этому нужно приписать, что рост и подъем нашей партии до сих пор ни разу не прерывался решительным поражением на долгое время, как это имело место в том или другом случае в социалистических движениях других крупных государств» (Там же).

Когда филистер Каутский писал эти строки в 1911 году, он не предвидел, что через три года, при объявлении войны, именно **организации** профессиональные и политические германского пролетариата принесут ему величайшее поражение, и что еще через четыре года, в 1918 году, именно **неорганизованная масса**, вопреки социал-демократии и ее профсоюзам, сметет все германские троны и сбросит все три десятка корон с голов германских больших и маленьких монархов и владетельных князей.

Каутский в разбираемой серии статей выявляет величайший страх перед массой и перед ее стихийным движением, но он не может отрицать, что ситуация такова, что отнюдь не исключена возможность в более или менее близком будущем и в Германии стихийного взрыва масс. В связи с такой перспективой он в заключение своих статей пишет: «Чем более обширные и стихийные массовые акции вновь стали бы играть историческую роль, тем больше в нашей политической жизни стал бы действовать элемент, совершенно не поддающийся учету, который принес бы нам величайшие сюрпризы, радостного и печального характера. Развитие вновь приняло бы катастрофический характер, как это имело место в Европе от 1789 до 1871 года. Нравилось бы это нам или нет, это нисколько бы не изменило дела... Но вытекает ли из особенности ситуации необходимость применения особенной новой тактики? Некоторые наши друзья это утверждают. Они желают ревизировать нашу тактику». Каутский с этим не согласен и говорит: «По отношению к таким явлениям ничего другого нельзя сделать, как думать, чтобы они нас не застигли совершенно не подготовленными. Мы тем более окажемся на высоте такого положения, и в каждый момент сможем тем целесообразнее действовать, чем сильнее и дееспособнее будет наша организация, чем яснее будет наше понимание и т. д., и т. п.». «Тактические задачи, которые мы можем и должны себе сегодня ставить, меньше всего означают новую тактику. Они означают продолжение и укрепление той тактики, которая нашу партию вела в течение больше 40 лет от победы к победе» (Там же, стр. 280—281).

Итак, стихийное массовое движение при нынешней ситуации может выступить и даже, вероятно, выступит на историческую сцену. Но мы, несмотря на это, должны сейчас относиться к неорганизованной массе пассивно, пряча голову в песок, подобно страусу, и продолжая заниматься своими будничными делами, пока гром не грянет. Таково последнее слово премудрости филистера Каутского. Каутский, вступивши в коалицию с правыми против «левых радикалов», тешил себя надеждой, что применение старой тактики, при новой, коренным образом менявшейся исторической ситуации, обеспечит социал-демократии дальнейшие победы. В действительности, как мы знаем, это лишь обеспечило полное торжество реформизма в германской социал-демократии и подготовило почву для ее позорной капитуляции перед буржуазией в 1914 году.

* * *

В настоящее время при ситуации, во многом напоминающей описанную нами ситуацию 1910—1914 гг., но уже на фоне эпохи мировой пролетарской революции,

когда классовые противоречия обостряются в Германии, когда волна рабочего движения подымается, когда реформистские профсоюзные вожди и социал-демократическая партия, окончательно ставшие агентурой буржуазии, предают рабочий класс на каждом шагу, когда вновь надвигается опасность войны в настоящее время, когда германская компартия и Коминтерн в связи с обостряющимися противоречиями капитализма наметили новый стратегический план, подобно тому, как это сделали «леворадикалы» в 1910 г., брандлерианцы, забыв свое собственное историческое прошлое, забыв всю историю глубочайшего падения социал-демократии за истекшие годы войны и революции, заняли ту же самую позицию, как и каутскианцы накануне мировой войны.

Они, так же, как Каутский в то время, отрицают возможность для пролетариата перехода в контрнаступление, и самый факт этого наступления в **настоящий момент**, откладывая это дело на **неопределенный завтрашний день**. Они, так же, как Каутский в те годы, рекомендуют пролетариату вести тактику Фабия Максима Кунктора (**Медлителя**); по-русски это значит—вести тактику Куропаткина, т.-е. топтаться на месте. Они, так же, как Каутский в те годы, предостерегают от «апелляции к неорганизованным массам» и предлагают сосредоточить всю работу исключительно внутри реформистских профсоюзов. Подобно тому, как Каутский утверждал, что стихийная масса так же часто помогала победе контрреволюции, как и победе революции, и они теперь утверждают, что «апелляция к неорганизованным массам через голову профсоюзов» есть «путь, который, по своим последствиям, является контрреволюционным». Подобно тому, как Каутский, в те годы, прикрывал свою глубоко-оппортунистическую позицию радикальными фразами, подобно тому, как он прикрывал свою тактику отступления от разворачивающейся массовой борьбы за уничтожение главного оплота юнкерской реакции в Пруссии разговорами о решительных боях в будущем, когда будет совершено посягательство на всеобщее избирательное право в рейхстаг, так же и они прикрывают свою тактику отступления в разворачивающихся сейчас массовых экономических боях разговорами о «рабочем контроле над производством»—«лозунг», который звучит очень революционно, но который в настоящих германских условиях означает не что иное, как пресловутую социал-демократическую «хозяйственную демократию». Они капитулируют по всей линии перед социал-демократией, а говорят, что борются за лучший, более «умный» способ ее преодоления. Так действуют сейчас брандлерианцы, а примиренцы осторожненько им подпевают.

Как же это могло случиться, что брандлерианцы, **бывшие люксембургианцы**, сейчас перешли на позиции довоенного каутскианства, с которым они когда-то вели такую ожесточенную борьбу? Это было бы совершенно непонятно, если бы мы не знали, что у Розы Люксембург была не только «десница», но и «шуйца», не только **положительная**, но и **отрицательная** сторона, которая в условиях Германии довоенного времени, когда там не было еще непосредственной революционной ситуации, и в условиях Германии сейчас же после войны, когда там не было еще массовой компартии, способной совершить пролетарскую революцию, представляла еще относительно небольшую опасность, но которая теперь, когда и Германия вступила в полосу своего революционного развития, в полосу непосредственной борьбы за власть, совершенно несовместима, никак не может быть увязана с задачами компартии.

Роза Люксембург старалась в довоенный период применить опыт русской революции к Германии. Но она усвоила этот опыт только наполовину. Для нее остался непонятным и чуждым целый ряд моментов, который составлял и составляет существенную часть ленинизма и ленинской стратегии.

Ленин, так же, как и Роза Люксембург, приписывал огромное значение развитию стихийного движения пролетариата, но Ленин еще в 1902 г. в своем «Что делать?» повел беспощадную борьбу против **преклонения** перед стихийностью, а Роза Люксембург именно преклонялась перед стихийностью пролетарских масс (конечно, революции). Ленин стремился поставить партию на небывалую высоту. Он раскололся с меньшевиками по вопросу об организации и роли партии. Он начал строить партию

с отбора «профессиональных революционеров», спаянных железной дисциплиной, ведущих беспощадную борьбу со всякими уклонами, со всякими проникновениями мелкобуржуазных влияний в партию. И это вытекало у Ленина не из сектантского пренебрежения к массе. Наоборот, он понимал, что именно благодаря своей якобинской непримиримости партия сможет лучше всего овладеть и руководить стихийным движением масс: «Без этого условия (массового движения. А. М.), — говорил он, — организация профессиональных революционеров была бы игрушкой, авантюрией, пустой вывеской, и брошюра «Что делать?» многократно подчеркивает, что лишь «в связи с действительно революционным и стихийно поднимающимся на борьбу классом» имеет смысл защищаемая в ней организация». «Мы можем только радоваться, — писал Ленин, — если социал-демократии удастся руководить каждой стачкой, ибо прямая и революционная обязанность социал-демократии руководить всеми проявлениями классовой борьбы пролетариата, а стачка есть одна из глубочайших и наиболее могучих проявлений этой борьбы. Но мы будем хвостистами, если допустим отождествление такой первоначальной, ipso-facto не более как третьюнионистской формы борьбы с все сторонней и сознательной социал-демократической борьбой. Мы будем оппортунистически узаконять заведомую фальшь, если дадим право каждому стачечнику «объявлять себя членом партии», ибо такое «объявление» в массе случаев будет объявлением ложным». Ленин строил партию на базе развивающегося движения масс, но стремился при этом партию поднять на небывалую высоту. Роза же Люксембург, хотя и признавала, конечно, тоже, что партия есть авангард рабочего класса, но все же предугадала партии раствориться в революционной стихии рабочего класса. Она писала: «Освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса — это руководящее положение Коммунистического Манифеста имеет еще в частности тот смысл, что и внутри классовой партии пролетариата **каждое решающее движение должно исходить не из инициативы кучки вождей, а из убеждения и решимости массы приверженцев партии** (курсив мой. А. М.)... Это есть дело членов партии и профсоюзов в каждом городе, в каждом округе занять позицию к вопросу современной ситуации и выразить в ясной и открытой форме свое мнение, свою волю, дабы мнение организованной рабочей массы, как целое, заставило себя слушать. И если это случилось, наши вожди, наверное, всегда останутся на своем посту, как это было до сих пор» (R. Luxemburg, Ermattung oder Kampf, «Neue Zeit» 1910, B. II, S. 262). Ленин не меньше, чем Роза Люксембург, требовал, чтобы партия внимательнейшим образом прислушивалась к настроению масс и даже **училась** у этих масс и чтобы вожди партии также внимательно прислушивались к партийным массам. Но ему никогда не приходила в голову мысль, чтобы партия и вожди партии отказались от своей инициативы и от своей руководящей роли. Роза Люксембург, конечно, тоже требовала, чтобы партия стояла во **главе** массового движения, но для нее это руководство сводится исключительно к тому, что партийные вожди являются **рупором** масс. Ставя в пример поведение бельгийских вождей во время массовых забастовок 90-х гг., она пишет: «Как раз в этих двух забастовках партийное руководство составляло совершенно единое целое с массами. Оно шло во главе движения, руководило и вполне овладело им именно потому, что оно было в полном контакте с пульсом масс, к нему приспособлялось и представляло собой **ничто иное, как рупор, как сознательное выражение чувств и стремлений масс**» (R. Luxemburg, Gesam. Werke, B. IV, S. 78). Ленин тоже ставил перед партией задачу быть в теснейшем контакте с массой, прислушиваться к ее пульсу; но никогда не ограничивал роли партии ролью «рупора масс», ибо партия всегда видит дальше масс, а в некоторых случаях именно в интересах класса в целом должна идти и против течения. Когда, например, во время Февральской революции 1917 г. русские рабочие массы были оборончески настроены, ленинцы разве взяли на себя роль «рупора масс»? Нет, они старались их постепенно **перевоспитывать**, называя их умонастроение осторожно «добросовестным оборончеством» и одновременно ведя **беспощадную** борьбу с меньшевистскими, эсеровскими, оборонческими **вождями**. Ленин ставил перед партией задачу не только «развязывать» массовые выступления, но также и связывать их, обединять, организовать и «назначать», когда для этого созданы уже необходимые

предпосылки. Роза Люксембург же систематически издавалась над притязанием центрального руководства «командовать» над массовым движением, «назначать» массовые выступления. Роза Люксембург забыла, что в России в 1905 г. после целого ряда массовых выступлений и массовых стачек, которые никем не были назначены, разразилась самая грандиозная и самая исторически важная тогда всеобщая октябрьская забастовка, которая именно была «назначена». «Обязанность партии,—писала она,—заключается лишь в том, чтобы в каждое время высказать бесстрашно то, что есть, т.-е. поставить перед массами ясно и отчетливо ее задачи в данный исторический момент, прокламировать политическую программу действия и лозунги, вытекающие из ситуации. **Заботу о том, связанные ли с этим и когда связанные революционное массовое восстание, социализм должен со спокойным сердцем предоставить самой истории**» (курсив мой. А. М.) (см. R. Luxemburg, Cesam. Werke, B. IV, S. 76). Соответственно этому Роза Люксембург, в противоположность Ленину, противостояла организационно-технические задачи политическим, относясь к первым в высокой степени пренебрежительно. Она писала: «Вместо того, чтобы ломать себе голову над технической стороной дела, над механизмом массовой забастовки (курсив мой. А. М.), социал-демократия призвана взять в свои руки политическое руководство также и в революционный период».

Ленин, так же, как и Роза Люксембург, понимал, что партийные лозунги только тогда могут иметь историческое значение, когда они могут найти отклик в широчайших **пролетарских** массах. Но именно для того, чтобы партия могла такие лозунги давать, она должна **железней дисциплиной** забронировать себя от проникновения в нее **буржуазных и мелкобуржуазных** влияний: «Чем крепче будут наши партийные организации, включающие в себе **действительных** социал-демократов,—писал он в 1903 г.,—чем меньше шаткости и неустойчивости будет **внутри** партии, тем шире, разностороннее, богаче и плодотворнее будет влияние партии на окружающие ее руководимые ею элементы рабочих **масс**». Ленин, начав строить партию из кружков, хорошо понимал, что если партия, построенная на основе строгого подбора и отбора профессиональных революционеров, будет противостоять непосредственно аморфной массе, то, даже в случае пролетарского состава этой партии, она может выродиться в sectu и потерять контакт с массой. Но для того, чтобы это не случилось, он не предлагал широко открыть двери партии всяким шатающимся оппортунистическим элементам, а предлагал, сохранив железную дисциплину партии, окружить ее разными **широкими беспартийными рабочими организациями**. Еще в 1903 г. он писал, что на ряду с партийной организацией должны существовать: «Организации рабочих, примыкающие к партии, организации рабочих, не примыкающие к партии, но фактически подчиняющиеся ее контролю и руководству; неорганизованные элементы рабочего класса, которые отчасти тоже подчиняются, по крайней мере в случаях крупных проявлений классовой борьбы, руководству социал-демократов». Таким образом, Ленин уже в 1903 году отдавал себе ясный отчет, что партия должна иметь целый ряд приводных ремней в виде широких беспартийных рабочих организаций, которые, с одной стороны, смогут выявить волю и настроение масс для партии, и которые, с другой стороны, смогут служить проводником для передачи директив партийного руководства в широчайшие массы. Когда большевистская партия из организации «профессиональных революционеров» превратилась в массовую партию, построенную на основах демократического централизма, большевики остались верны тому же принципу—скреплять партию железной дисциплиной и в то же время связывать эту партию с широчайшими массами через посредство широких беспартийных организаций (профсоюзы, фабзавкомы, рабочие и крестьянские конференции, советы и т. д.). Вся эта сложная проблема **организационного** охвата широчайших масс партией, ограниченной известным подбором и спаянной железной дисциплиной, для Розы Люксембург имела в лучшем случае второстепенное значение.

В тесной связи с ролью партии для Ленина стояла проблема осуществления **гегемонии** рабочего класса в революции над другими революционными классами и слоями, особенно над крестьянством. Как раз потому, что Ленин ставил перед пролетариатом проблему руководства многомиллионной массой крестьянства, он особенно настаивал на железной дисциплине партии и на ее непримиримом отношении ко всяким

оппортунистическим уклонам, ибо чем шире те мелкобуржуазные массы, которыми пролетариат должен руководить во время революции, тем больше опасность проникновения мелкобуржуазных влияний в пролетарскую партию и тем непримиримее должна быть борьба с этими влияниями. Р. Люксембург этой проблеме гегемонии пролетариата над крестьянством вообще над революционной мелкой буржуазией уделяла минимальное внимание. В своей брошюре «Массовая забастовка, партия и профсоюзы», в которой она знакомит германского читателя-рабочего с русской революцией 1905 года, она даже не упоминает о крестьянстве, в то время, как характернейшей чертой этой революции было аграрное движение, принявшее чрезвычайные размеры, в то время как Ленин самое революцию 1905 года считал прежде всего «агарной революцией» и соответственно с этим ставил перед ней проблему осуществления «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства».

В связи с этим стоял также вопрос об армии и вооруженном восстании. Ленин, так же, как и Люксембург, неоднократно говорил, что революции не делаются по заказу, и в своей книжке «О детской болезни левизны» он конкретно оформил то сочетание об'ективных условий, которое необходимо для того, чтобы возникла непосредственно революционная ситуация. Но **при наличии этой ситуации** Ленин ставил перед партией определенно задачу «организации революции» и, в частности, «организации восстания». Р. Люксембург же видела только одну сторону дела: об'ективные условия, порождающие стихийное революционное движение, и ограничивала задачу партии учением классовых сил, формулировкой политических лозунгов и политической пропагандой и агитацией. Говоря в упомянутой брошюре о массовых стачках русского пролетариата, как о специфической классовой форме его борьбы, она о проблеме вооруженного восстания ограничивается одной фразой: «История нашла решение этого вопроса (о смягчении форм классовой борьбы. А. М.) в несколько более глубоком и тонком смысле в появлении революционных массовых забастовок, которые, правда, отнюдь не заменяют и не делают излишним голой, брутальной, уличной борьбы, но которая сводит ее лишь к одному моменту долгого политического периода борьбы и т. д.» (См. Rosa Luxemburg, Gesam. Werke, B. IV, S. 459). Таким образом, та систематическая упорная работа, которая велась в 1905 году в армии, те многочисленные руководимые партией или членами партии восстания, которые в том году имели место и которые завершились декабрьским восстанием в Москве, который Ленин считал «исторической репетицией», без которой революция не победила бы в 1917 году, почти совершенно уходят с поля зрения Розы Люксембург.

Мы видим, что Р. Люксембург, которая была застрельщиком революционного движения в Германии, популяризируя уроки русской революции на Западе, далеко не полностью усвоила этот опыт. Недооценка роли партии и организации в революции Розой Люксембург составляла ее главную слабую сторону, которая, конечно, имела свое об'яснение, но не оправдание. Об'яснение этого крупнейшего пробела заключается, во-первых, в том, что Роза Люксембург работала, главным образом, в Германии, когда там еще не было непосредственной революционной ситуации, выдвигающей на первый план вопросы, связанные с организацией революции, во-вторых, тем, что в Германии организация рабочего класса, особенно профсоюзы, стали тормозом, а не двигателем революционного развития в германском рабочем движении. Но это все-таки не могло служить оправданием для Р. Люксембург, поскольку ей не нужно было выдумывать ленинизма, поскольку он существовал уже в довоенную эпоху, как крупнейший исторический факт, который Роза Люксембург имела возможность наблюдать и изучать. Если бы Роза Люксембург и германские «лево-радикалы» уже в то время полностью усвоили уроки ленинизма, это, несомненно, значительно сократило бы муки родов германской коммунистической партии и ускорило бы организационный откол левого радикализма от оппортунистически переродившейся германской социал-демократии. «Лево-радикалы» уже до войны сложились бы организационно, как фракция, внутри германской социал-демократии, а после об'явления войны, они сразу же вступили бы в теснейшую организационную связь с русскими большевиками. Однако в **ту эпоху** положительные заслуги люксембургианства на почве Германии в огромной степени перевешивали его отрицательные стороны.

его ошибки. Поэтому историческая заслуга Розы Люксембург огромна, и она, героически погибшая после спартаковского восстания, вошла в историю с чрезвычайно большим революционным активом в балансе.

Но когда в Германии сложилась уже массовая коммунистическая партия и когда в 1923 году в Германии имелись налицо уже не только об'ективные, но и субъективные предпосылки для победоносной пролетарской революции, старые соратники и единомышленники Розы Люксембург, ставши, как вожди компартии, перед проблемой непосредственной борьбы за власть и организации восстания, продемонстрировали, что в такой момент полуленинизм совершенно не достаточен. Поскольку они не изжили перечисленных выше слабых сторон люксембургианства, несмотря на богатейший революционный опыт германской компартии **после** смерти Люксембург, они в такой острый критический момент неизбежно покатились назад от Люксембург к Каутскому, неизбежно изменили не только ленинизму, но и тому, что составляло сильную, революционную сторону люксембургианства. Не понимая по-ленински огромной роли партии, не понимая по-ленински значения **гегемонии** пролетариата, не умея по-ленински **организационно** связаться со стихийно развивавшимся рабочим движением, об'единять его и руководить им, не умея по-ленински организовать восстание, пытаясь его организовать чисто-бюрократическим методом, они почувствовали свое полное бессилие. В результате этого они скатились к коалиции с оппортунистической социал-демократией, начали ставить ставку не на революционных, а на отсталых рабочих, начали тормозить стихийно-революционное движение масс и под конец капитулировали без боя. Это все означало уже не только отречение от ленинизма, но и отречение от **революционных** традиций люксембургианства. Кто в острые критические моменты не растет, не идет вперед, тот неизбежно идет назад.

Уже тогда, в 1923 году, брандлеровцы покатились по пути к социал-демократии. Когда же перед Коминтерном и германской компартией ясно стало, что мы вступили в «третий период» кризиса капитализма, в период, требующий, соответственно обостряющимся противоречиям, поворота в тактике—в смысле **более решительной борьбы по всей линии с соц.-демократией**, в смысле полного отказа от единого фронта **сверху** с ней, когда эта новая тактика была намечена на IX пленуме ИККИ, на IV конгрессе Профинтерна и на VI конгрессе Коминтерна, когда германская коммунистическая партия, готовясь к переходу к контраступлению против об'единенного буржуазно-социал-демократического фронта в очень тяжелых условиях соответственно этой трудной задаче, стала подтягивать партию, крепить ее дисциплину и усиленнее бороться против всяких колебаний, тогда брандлеровцы, никогда не понимавшие роли партии, второй раз шарахнулись вправо и окончательно скатились в болото центризма.

Это не первый и не последний раз в истории революционного движения, когда революционные течения, не сумевшие **во-время** перестроиться применительно к крутым поворотам истории, скатываются по ту сторону баррикады. Это, конечно, несомненный урон для германской коммунистической партии, но это неизбежные издержки развития и роста революционной партии.

Германская компартия ценой этих издержек выиграла возможность **без внутреннего торможения** последовательно проводить ленинскую политику. Огромное значение этого выигрыша уже дало себя чувствовать в рурских боях, в которых партия, несмотря на только что пережитый внутрипартийный кризис и на колоссальное сопротивление социал-демократии извне партии и правых и примиренцев изнутри, смогла найти путь к массам, связаться с ними и завладеть руководством движения.

Брандлерианцы от люксембургианства скатились постепенно назад к центризму. Германская же компартия в целом из люксембургианской, спартаковской группы выросла в массовую ленинскую партию и идет сейчас твердо по ленинскому пути. В этом залог ее побед в будущем.

А. МАРТЫНОВ.

СОДЕРЖАНИЕ

Общий отдел

	<i>Стр.</i>
Ленин в борьбе за партийность (К 5-летию со дня смерти Ленина)	3
Мирное предложение СССР и военные приготовления новой Антанты	8
А. Мартынов.—От Люксембург к Ленину, или от Люксембург к Каутскому	14
В. Ульбрихт.—Вопросы профсоюзной политики в КПГ	26
И. Мингулин.—Как не надо понимать и разъяснять линии и решения VI всемирного конгресса Коминтерна	41

НЕОБХОДИМЫЕ ИСПРАВЛЕНИЯ

В № 51 «К. И.» за 1928 г. в статье т. Ломинадзе по техническому недосмотру были допущены следующие грубые опечатки: Стр. 27, строка 10 снизу. Напечатано: «для широких масс». Надо: «широкими массами». Стр. 27, строка 9 снизу. После слов: «Назад от Кантона»—пропущена следующая, взятая в скобки, фраза: «(не по форме; форма остается советской, по своему соц.-экономическому содержанию)». Стр. 29, строка 13 сверху—вместо: «кантонская» надо «китайская». Стр. 32, строка 3 сверху: вместо «10 декабря» надо «до 10 декабря». Стр. 33, строка 3 сверху: вместо «не рассеяли» надо «рассеяли». Стр. 33, строка 9 сверху: вместо «посредственную» надо «непосредственную».

Государственный
публичный библиотека
в Ленинграде